

Гражданин Галактики

Глава 1

— Лот девяносто семь, — объявил аукционист. — Мальчик.

У мальчика кружилась голова, ощущение твердой почвы под ногами вызывало тошноту. Невольничий корабль проделал путь в сорок с лишним световых лет, неся в своих трюмах смрад, такой же, как и на любом другом невольничьем корабле: затхлый дух сбившихся в кучу немых тел, тяжкий запах страха, рвоты и неизбывной горечи. И все же на его борту мальчик что-то собой представлял, он был признанным членом определенного сообщества, имел право на ежедневный паек и право драться за привилегию съесть его в одиночку. Он даже имел друзей.

А теперь он снова никто и ничто, и его снова собирались продать.

Предыдущий лот увели с помоста, это были две светловолосые девушки, которых объявили близнецами. Торг за них шел оживленно, цена поднялась высоко. Аукционист с довольной ухмылкой повернулся и указал на мальчика:

— Лот девяносто семь. Тащите его сюда.

Мальчишку пинками загнали на помост. Он стоял, весь сжавшись, бросая по сторонам быстрые дикие взгляды, рассматривая то, что не мог видеть из своего загона. Невольничий рынок расположен на той стороне знаменитой площади Свободы, что примыкает к космопорту, напротив холма, увенчанного еще более знаменитым зданием Президиума Саргона, капитолия Девяти миров.

Но мальчик не знал, что это за здание; он не ведал даже, на какую планету его занесло. Он смотрел на толпу.

Ближе всех к помосту работорговцев сгрудились нищие, чтобы кланчить подавание у покупателей, претендующих на покупку. За ними полукругом стояли скамьи для богатых и знати. По краям торчали рабы, носильщики, телохранители и шоферы этих сливок общества. Они бездельничали возле автомобилей хозяев или паланкинов и портшезов, принадлежавших тем, кто был побогаче. Позади господ собрались простолюдины — бездельники и зеваки, вольноотпущенники и карманники, разносчики прохладительных напитков, изредка встречались и простые торговцы, не получившие привилегии сидеть, но готовые при случае поторговаться за носильщика, писца, мастерового или даже служанку для своих жен.

— Лот девяносто семь, — повторил аукционист. — Симпатичный здоровый парень. Может использоваться как паж или камердинер. Дамы и господа, представьте его в ливрее вашего дома. Взгляните на...

Его слова потонули в визге звездолета, совершавшего посадку на космодроме у него за спиной.

Старый нищий Баслим Калека изогнулся всем своим полуобнаженным телом и, прищулив единственный глаз, глянул за край помоста. По его мнению, мальчик мало чем походил на вышколенного домашнего слугу — скорее уж на грязного, изможденного, избитого и затравленного зверька. На спине мальчика сквозь грязь проступали белые шрамы — рекомендательные письма его прежних хозяев.

Глаза и форма ушей парнишки навели Баслима на мысль, что тот, возможно, чистокровный потомок землян, но наверняка можно было утверждать только то, что он мал, напуган и все еще непокорен.

Мальчик почувствовал пристальный взгляд нищего и тоже уставился на него.

Визг звездолета стих, и богатый франт, сидевший в первом ряду, лениво взмахнул платочком, привлекая к себе внимание аукциониста.

— Ты тратишь наше время впустую, мошенник. Покажи нам что-нибудь вроде последнего лота.

— О благородный господин, мне полагается выкликать номера в соответствии с каталогом.

— Тогда пошевеливайся! Или сразу убери этого заморыша и покажи нам настоящий товар.

— Вы так добры ко мне, господин. — Аукционист возвысил голос: — Меня просят ускорить торги, и я уверен, что мой благородный работодатель не станет возражать. Буду откровенен: этот славный парнишка молод. Его новый владелец должен будет его всему учить. Поэтому...

Мальчик слушал вполуха. Он почти не знал местного языка, и все, о чем тут говорилось, было для него пустым звуком. Он оглядел дам под вуалями и элегантных мужчин, гадая, с кем ему придется иметь дело.

— ...низкая стартовая цена и быстрые торги, — продолжал аукционист. — Начинаем! Кто даст двадцать стелларов?

Повисло неловкое молчание. Леди, изящно и дорого одетая — от обутых в сандалии ног до укрытого кружевами лица, — склонилась к франту, что-то прошептала и захихикала. Франт нахмурился, вытащил кинжал и сделал вид, будто чистит ногти.

— Я сказал тебе пошевеливаться, — буркнул он аукционисту.

Тот вздохнул:

— Господа, прошу вас помнить, что я несу ответственность перед своим клиентом. Но мы снижаем стартовую цену. Десять стелларов. Да, я сказал «десять»! Это уже просто фантастика! — Он с изумлением огляделся. — Уж не оглох ли я? Может быть, кто-то поднял палец, а я просто не вижу? Прошу вас, вдумайтесь. Вот здесь

перед вами стоит молодой крепкий парень, подобный чистому листу бумаги, и вы сможете нарисовать на нем все, что пожелаете. За невероятно низкую цену вы можете вырезать ему язык или еще что-то, это уже на ваш вкус.

— Или скормить его рыбам!

— Или скормить его... О, вы так остроумны, благородный господин!

— Это начинает надоедать. Ты что, думаешь, этот замурышка чего-нибудь стоит? Может, он твой сын?

Аукционист выдавил улыбку:

— Будь так, я гордился бы им. Жаль, что мне запрещено разглашать происхождение этого парня...

— Значит, попросту говоря, оно тебе неизвестно.

— Хотя я и обязан держать рот на замке, однако не премину указать на форму его черепа и идеально округлую форму ушей...

Аукционист схватил мальчика за ухо и потянул, тот извернулся и укусил его за руку. Толпа рассмеялась. Аукционист отдернул руку:

— Экий живчик! Ну да плетка и не таких лечила. Прекрасная порода. Вы только взгляните на его уши! Можно сказать, лучшие в Галактике.

Аукционист упустил из виду один важный момент: молодой франт был уроженцем Синдона IV. Он снял свой шлем, явив на свет типично синдонианские уши — длинные, заостренные и волосатые. Синдонианин подался вперед, уши его стали торчком.

— Кто твой благородный покровитель?

Старый нищий Баслим метнулся к углу помоста, готовый чуть что — улизнуть. Мальчик напрягся и заозирался по сторонам, чувствуя угрозу, но не понимая, откуда она исходит. Аукционист побледнел: никто не смел в открытую потешаться над синдонианином... более одного раза.

— О мой господин, — выдавил он, — вы не так меня поняли...

— А ну повтори, что ты там вякнул про уши и прекрасную породу!

Аукционер увидел полицейских, но они были слишком далеко. Он нервно облизнул губы:

— Смилуйтесь, благородный господин. Мои дети умрут с голода. Я сказал лишь то, что говорят все. Это не мое личное мнение. Я всего лишь хотел побыстрее сбыть этот товар... как вы сами настаивали...

В тишине прозвучал женский голосок:

— Ой, да брось ты его, Дварол. Не его вина, что у этого раба такие уши. Он только продает его.

— Вот и пусть продает! — сопя, ответил синдонианин.

Аукционист перевел дух:

— Да, мой господин. — Он собрался с силами и продолжал: — Прошу простить меня, мои дамы и господа, за то, что трачу время на этот злосчастный лот. Прошу вас, назначьте хоть какую-нибудь цену!

Он подождал, затем нервно проговорил:

— Не слышу никаких предложений. Цену никто не назначает. Цена не назначена — раз... Если вы ничего не предложите, я буду обязан вернуть этот лот в запасник и прервать торги для консультации с моим клиентом. Цена не назначена — два... У меня еще столько отличного товара. Какая жалость, если не удастся его показать. Цена не назначена — три...

— Вон твоя заявка! — рявкнул синдонианин.

— Что?

Нищий старик поднял два пальца. Аукционист в изумлении уставился на него:

— Ты назначаешь цену?!

— Да, — проскрипел старик, — если господа и дамы позволят.

Аукционист обвел взглядом сидящую полукругом публику. Кто-то из толпы крикнул:

— Почему бы и нет? Деньги есть деньги!

Синдонианин кивнул, аукционист быстро спросил:
— Ты предлагаешь за этого мальчишку два стеллара?

— Нет, нет, нет, нет, нет! — завопил Баслим. — Два минима!

Аукционист замахнулся было на старика, но тот с ловкостью увернулся.

— Поди прочь! — рявкнул аукционист. — Я тебе покажу, как насмехаться над господами!

— Эй, аукционист!

— Да, господин? Слушаю, мой господин?

— Ты говорил: «Назначьте хоть какую-нибудь цену», — сказал синдонианин. — Продай ему мальчишку!

— Но...

— Ты меня слышал?

— О господин, я не могу продать за первую же назначенную цену. В законе ясно сказано: одна заявка — не аукцион. Даже две, если аукционист не установил минимума. А иначе я не смогу продать его, не услышав по крайней мере три предложения. Благородный господин, этот закон принят для защиты интересов владельца, а не ради меня, несчастного!

— Да, есть такой закон! — выкрикнул кто-то.

Синдонианин нахмурился:

— Тогда объяви цену.

— Как будет угодно милостивым господам и дамам. — Аукционист обратился к толпе: — Я слышал, что за лот девяносто семь предлагают два минима. Кто даст четыре?

— Четыре, — отозвался синдонианин.

— Пять! — раздалось из толпы.

Синдонианин поманил к себе нищего. Баслим подполз на руках, волоча обрубок второй ноги. Ему мешала чаша для подаяний.

— Пять минимов — раз! — запел аукционист. — Пять минимов — два...

— Шесть! — бросил синдонианин и, заглянув в чашу нищего, достал кошелек. Он швырнул калеке горсть мелочи.

— Я слышу «шесть»! Услышу ли я «семь»?

— Семь! — проскрипел Баслим.

— Семь минимов! Эй, господин с поднятым пальцем, вы предлагаете восемь?

— Девять! — перебил нищий.

Аукционист поморщился, но заявку принял. Цена подползала к стеллару, шутка становилась дороговата для большинства присутствующих. Дамам и господам не хотелось ни портить шутку синдонианина, ни приобрести такого никчемного раба.

— Девять минимов — раз... — забормотал аукционист. — Девять минимов — два... девять минимов — три... Продано за девять минимов!

Он столкнул мальчишку с помоста, и тот угодил прямо на руки старику.

— Забирай и проваливай!

— Полегче, ты! — осадил его синдонианин. — Где купчая?

Едва сдерживаясь, аукционист проставил имя нового владельца и цену на заранее заготовленном для лота девяносто семь бланке. Баслим уплатил девять минимов и воспользовался щедростью синдонианина, чтобы выплатить регистрационный тариф, оказавшийся выше продажной цены мальчика. Паренок тихо стоял рядом. Он понял, что опять продан и что новый его хозяин — вот этот самый старик. Впрочем, ему было не важно, кто его хозяин, ему не нужны были никакие хозяева. Пока шло оформление покупки, мальчишка внезапно пустился наутек.

Старый нищий, даже не взглянув в его сторону, выбросил длинную руку и, ухватив парня за ногу, вернул на место. Затем Баслим поднялся. Положив руку на плечи мальчика, он оперся о него, используя вместо костыля.

Мальчик почувствовал, как костлявая ладонь стискивает его предплечье, и расслабился, покоровшись неизбежному. Ладно, в другой раз! Рано или поздно они все теряли бдительность, нужно было только выждать время.

Обретя опору, калека с достоинством поклонился.

— Мой господин! — прохрипел он. — Я и мой слуга благодарим вас.

— Пустое, пустое. — Синдонианин махнул платком, отпуская нищего.

От площади Свободы до Баслимовой норы было меньше одного ли и не больше полумили¹, но шли они долго. Баслим неуклюже скакал, используя мальчишку как опору, а этот способ передвижения был даже медленнее, чем обычный, когда нищий полз на руках и одном колене. Кроме того, он часто останавливался, чтобы заняться привычным делом, — и это не значит, что работа прекращалась, пока они тащились по улицам, потому что старик и тогда заставлял мальчика совать чашу для подаяний под нос каждому встречному и поперечному.

Все это он проделывал молча. Баслим уже пытался объяснить с мальчиком на интерлингве, космическом голландском, саргонезском, на полудюжине разных диалектов, на воровской фене, на языке рабов и сленге торговцев, даже на английском Системы. Все без толку, хотя пару раз Баслиму показалось, что парнишка его понимает. В конце концов нищий оставил эту затею и стал выражать свои пожелания при помощи жестов и оплеух.

«Что ж, если у них нет общего языка, — думал Баслим, — я научу его — но всему свое время, всему свое время...»

Баслим никогда не спешил. Он вообще отличался дальновидностью.

¹ *Ли* — около 576 м; *миля* — около 1600 м.

Жилище Баслима располагалось под старым амфитеатром. Когда Саргон Август повелел воздвигнуть другой, более внушительный по размерам цирк, старый снесли не весь. Работы были прерваны Второй Сетанской войной и больше не возобновлялись. Баслим повел мальчика в эти развалины. Идти здесь было тяжело, и временами Баслиму приходилось пробираться ползком, но хватка его не ослабевала ни на миг. Однажды, правда, в руке нищего оказалась только расплывающаяся набедренная повязка, и мальчишка едва не вывернулся из своего рубища, но нищий успел схватить его за запястье. После этого они пошли еще медленнее.

Они спустились в темный лаз в конце обрушившейся галереи, старик заставил мальчика идти первым. Потом они поползли по битой черепице и грудам булыжника, пока не очутились в другом коридоре, где было темно как ночью, но сравнительно чисто. Ниже, еще ниже, опять вниз — и вот они уже в чреве старого амфитеатра, в казармах под бывшей ареной.

В темноте они подошли к прочно срубленной двери. Баслим открыл ее, втолкнул мальчишку внутрь, вошел сам и запер дверь за собой, прижав большой палец к замку-определителю. Потом он коснулся выключателя. Вспыхнул свет.

— Ну вот мы и дома, парень.

Мальчик изумленно огляделся. Он уже давно отвык интересоваться окружающим, но теперь, оказавшись внутри, увидел совсем не то, что ожидал увидеть. Он стоял в просто обставленной комнате, чистой и уютной. Потолочные панели излучали приятный рассеянный свет. Мебели было немного, но вся она стояла на своих местах. Мальчишка с трепетом озирался по сторонам. Как ни убого выглядела эта комната, она была лучше любой из тех, в которых он жила прежде.

Нищий отпустил плечо мальчика и проковылял к шкафу. Поставив туда свою чашу, он извлек на свет

нечто непонятное. Потом нищий стянул с себя рубище, повозился с ремнями, и тут мальчик понял, что это протез, искусственная нога, причем сделана она была так здорово, что ничем не уступала настоящей, из плоти и крови.

Нищий поднялся, взял с полки брюки и натянул их. Теперь он вовсе не был похож на калеку.

— Иди сюда, — сказал он на интерлингве.

Мальчик не шелохнулся. Баслим повторил то же самое на других языках, потом пожал плечами, взял мальчика за руку и повел в соседнюю комнатушку. Это была маленькая кухня, совмещенная с ванной. Баслим наполнил водой таз, вручил пареньку обмылок и сказал:

— Мойся. — И жестами объяснил, чего хочет.

Мальчик упрямо молчал и не шевелился. Старик вздохнул, взял здоровенную щетку для пола и изобразил, будто чистит ей мальчика. Когда жесткая щетина коснулась кожи, он остановился и повторил:

— Купаться. Мыться. — Он произнес это на интерлингве и английском Системы.

Мальчик поколебался, снял свое тряпье и начал медленно намывливаться.

— Так-то лучше, — сказал Баслим. Он поднял грязную набедренную повязку, бросил в мусорный бачок, достал полотенце. Потом повернулся к кухне и занялся стряпней.

Через несколько минут он оглянулся. Мальчишки не было. Старик не спеша вошел в комнату и увидел, что тот, голый и мокрый, изо всех сил старается открыть дверь. Заметив Баслима, мальчик удвоил усилия, но все было тщетно. Старик похлопал его по плечу и махнул рукой в сторону маленькой комнаты:

— Ступай домываться.

Он отвернулся. Паренек побрел следом.

Когда мальчик вымылся и вытерся, Баслим поставил на плиту котелок с тушенкой, открыл шкафчик и достал

из него склянку и клочок ваты из растительных волокон. Вымытая кожа мальчика явила миру богатое собрание шрамов и синяков, незаживающих язв, порезов и ссадин, старых и новых.

— Стой тихо.

Мазь щипала, и мальчик принялся ерзать.

— Стой тихо, — ласково, но твердо повторил Баслим и похлопал ребенка по руке.

Тот расслабился, только вздрагивал каждый раз, когда лекарство попадало на кожу. Старик тщательно осмотрел застарелую язву на колене мальчика, направился, что-то тихо напевая, к шкафчику, вернулся и всадил парню шприц пониже спины, предварительно растолковав языком жестов, что оторвет ему голову, если тот только попробует дернуться. Потом он отыскал какую-то старую тряпку, жестами предложил мальчику обернуть ее вокруг себя и опять занялся стряпней.

Покончив с этим, он поставил на стол в гостиной две большие миски с тушеным мясом, предварительно подвинув стол и свой стул так, чтобы мальчик мог есть, сидя на сундуке. К мясу он добавил горсть зеленой чечевицы и пару щедрых ломтей деревенского хлеба, черного и плотного.

— Суп готов, парень. Иди-ка поешь.

Мальчик опустился на краешек сундука, но есть не стал, готовый в любое мгновение сорваться и улизнуть. Баслим перестал жевать:

— В чем дело?

Он заметил, как мальчишка метнул быстрый взгляд на дверь и потупился.

— Ах это. — Старик поднялся, прочно опираясь на свой протез, прошагал к двери и прижал большой палец к замку. — Дверь открыта, — объявил он, глядя на мальчика. — Ешь свой ужин или уходи.

Он повторил это на нескольких языках и с удовлетворением отметил, что добился понимания именно то-

гда, когда обратился к мальчику на том языке, который считал его родным.

Однако Баслим не стал утруждать себя проверкой, а вернулся к столу, осторожно уселся на свой стул и взял ложку.

Мальчик потянулся за своей, а потом внезапно сорвался с места и выскочил за дверь. Баслим продолжал есть. Дверь оставалась приоткрытой, и свет из нее лился в темный коридор.

Завершив свой неспешный обед, Баслим почувствовал, что мальчишка смотрит на него из темноты. Он откинулся на спинку стула и, избегая глядеть на дверь, занялся своей зубочисткой. Не оборачиваясь, старик произнес на том языке, который, как он считал, мог быть понятен мальчику:

— Может, вернешься и съешь свой ужин, или мне выбросить твою еду?

Мальчик не отвечал.

— Ну что ж, — пробормотал Баслим. — Если ты не хочешь входить, я закрываю дверь. Оставлять ее нараспашку при включенном свете — слишком большой риск. — Он неторопливо поднялся, подошел к двери и начал потихоньку ее затворять. — Поспешите с заказами, — объявил он. — Мы закрываемся на ночь.

И когда дверь уже почти захлопнулась, мальчик вскрикнул:

— Подожди!

На том наречии, которое и ожидал услышать старик.

Парнишка стремглав юркнул в дом.

— Добро пожаловать, — невозмутимо произнес Баслим. — Я не стану запираю дверь на замок — на тот случай, если ты передумаешь. — Он вздохнул. — Будь моя воля, вообще никто не сидел бы взаперти.

Мальчик не ответил. Он сел, склонился над миской и набросился на еду с такой жадностью, будто боялся, что она вдруг исчезнет. Глаза его так и шныряли по сторонам, а Баслим сидел и наблюдал за ним.

Вскоре мальчишка стал есть медленнее, но продолжал жевать и глотать, пока за последним куском мяса не последовал последний кусок хлеба, пока не исчезло последнее зерно чечевицы. Остатки паренек поглощал через силу, но все же справился с ними, заглянул в глаза Баслима и застенчиво улыбнулся. Баслим улыбнулся в ответ.

Внезапно улыбка сбежала с лица мальчика. Он побледнел, потом позеленел, из уголка рта потекла струйка слюны, и мальчишку вырвало.

Баслим проворно отодвинулся, спасаясь от этого извержения.

— Звезды небесные, какой же я дурак! — вскричал он на своем родном языке.

Он вышел на кухню, вернулся с ведром и тряпкой, отер лицо мальчика и велел ему успокоиться, потом вытер каменный пол.

Немного погодя он принес ребенку гораздо более скромную снедь — бульон и маленький кусочек хлеба.

— Макай хлеб и ешь.

— Я лучше не буду.

— Ешь. Больше тебя уже не стошнит. Я же видел, что у тебя живот к спине прирос, должен был догадаться, что тебе нельзя давать порцию взрослого мужчины. Ешь, только помедленнее.

Мальчик поднял глаза, его подбородок затрясся. Он проглотил немножко бульона. Баслим смотрел на ребенка, пока тот не одолел весь суп и почти весь хлеб.

— Вот и хорошо, — сказал наконец старик. — Ну, парень, пожалуй, пора и на боковую. Кстати, тебя как зовут?

Мальчик поколебался:

— Торби...

— Торби. Хорошее имя. Можешь звать меня папой. Спокойной ночи.

Он отстегнул протез, доскакал до шкафа и спрятал его, потом добрался до своей постели. Ложе было не-

хитрое — просто тюфяк в углу. Старик отодвинулся подальше, к стене, чтобы освободить место для мальчика, и сказал:

— Будешь ложиться — погаси свет.

Он закрыл глаза и стал ждать.

Повисла долгая тишина. Потом Баслим услышал, как мальчик идет к двери. Свет погас. Старик ждал, откроет он дверь или нет. Нет. Вместо этого он почувствовал, как мальчик залез на тюфяк.

— Спокойной ночи, — повторил Баслим.

— Спокойной...

Старик уже почти дремал, когда вдруг почувствовал, что мальчишку всего трясет. Нашупав его тело ладонью, Баслим погладил обтянутые кожей ребра, и тут мальчик разрыдался.

Тогда старик повернулся, устроив поудобнее искаленную ногу, обнял трясущиеся плечи мальчугана и прижал его лицо к своей груди.

— Все хорошо, Торби, — ласково проговорил он. — Все в порядке. Все кончилось. Это никогда больше не повторится.

Мальчик всхлипнул и плотно прижался к старику. Баслим успокаивал его, бормоча что-то ласковое, пока тот не перестал вздрагивать. А потом просто обнимал его — до тех пор, пока Торби не уснул.

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ. Ее жизнь и время <i>Перевод А. Шарова</i>	5
МАРСИАНКА ПОДКЕЙН <i>Перевод С. Барсова</i>	337